

Юлия Гурская

*Белорусский государственный педагогический университет
Минск*

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ЗЕРКАЛЕ ДРЕВНИХ ФАМИЛИЙ

Целью статьи является описание антропонимов одного из регионов Беларуси – Витебской и Могилевской областей, которые находятся на пересечении разнообразных славянских и неславянских ареалов. Восточные диалектные микросистемы данной зоны генетически взаимосвязаны и находят продолжение на территории Смоленской области, в то время как западные расположены на границе славянского и балтийского лингвистического ландшафта, что и обусловило особый статус данной территории. При этом говоры Витебщины являются результатом развития древнего восточнославянского племенного диалекта смоленско-полоцких кривичей, на формирование которого в значительной мере повлиял балтский субстрат.

Нас заинтересовало насколько такое явление, как древние фамилии, представлено в восточной части Беларуси. Материалом послужили памятники деловой письменности XV–XVII вв., а также метрические книги XVII–XVIII вв.

Исторические источники свидетельствуют, что в середине XIII в. Великое княжество Литовское (ВКЛ) расширяется за счет Полоцкой земли. В 1320 г. в сферу его влияния входит Витебская земля, где получает права на княжение великий князь литовский Ольгерд Гедиминович. На протяжении 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. к ВКЛ присоединились Витебское, Минское и другие княжества. При великом князе литовском Гедимине было положено начало присоединения Смоленской земли, которое окончательно произошло в годы правления великого князя литовского Витовта.

Известно, что в XIII–XVIII вв. земли ВКЛ населяли разные народы и этнические группы, пользующиеся собственным языком или диалектом и одновременно языком канцелярским, что приводило, по мнению исследователей, к языковой интерференции, ср. [Вайнрайх 1999]. Этнолингвистические отношения, существовавшие на территории ВКЛ, находят отражение в исторической

антропонимии. Среди этнонимических фамилий Витебщины и Могилевщины зафиксированы: а) фамилии, образованные от этносов и этнических групп, проживавших на территории ВКЛ и Речи Посполитой; б) фамилии, восходящие к названиям этносов, проживавших в других европейских и неевропейских странах. Третью группу составляют этнонимические конкретизаторы, отмеченные вместе с антропонимами.

В исследованных памятниках зафиксированы следующие этнические группы: восточные славяне (белорусы, русские); западные славяне (поляки, чехи, словаки, кашубы): *Словак Петр; Лях Ян; Чех Андреи; Кашуба* [БА 1928: 73, 86, 127, 248], *Poliak Petrus* [БА 1927: 219]; южные: *Болгарин Василий* [БА 1927: 230]; литвины и другие балтийские народы; западноевропейские: *Индрих Немець* [ПВЛ 2003: 155]; *Wloszek Stanislaus* [БА 1927: 213] и др.

Отмечены фамилии, образованные от названий неевропейских народов: *Турко* [ПВЛ 2003: 154], *Козар Иван* [БА 1928: 86], *Васко Черкасъ* [ПВЛ 2003: 154], *Чувашиов Семен* [БА 1928: 95]. Упоминаются также армяне, цыгане: *Богдан Орменьчикъ* [ПВЛ 2003: 158].

Согласно Л. Беднарчуку, каждая из этих этнических групп использовала собственный этнолект и канцелярский язык, вносила в последний черты своего этнолекта, а в собственный этнолект приносила черты канцелярского языка. Кроме того, на территории ВКЛ использовались также латинский и церковнославянский языки [Bednarczuk 2010: 24–25].

Особую группу составляют древние фамилии, связанные с историей определенной территории (см. работы В. Матеяускене, З. Ковалик-Калеты и др.). Мы используем термин *древние фамилии*, преимущество которого, на наш взгляд, состоит в следующем. Во-первых, древние фамилии целесообразно исследовать в зеркале современных ареалов, где данные языковые единицы уже являются фамилиями. Во-вторых, прилагательное *древний* характеризует фамилии с той стороны, что восстановление истории фамилии от современного ее состояния к наидревнейшему не всегда возможно. В частности, и по рассматриваемым нами фамилиям существует множество точек зрения об их происхождении. В-третьих, словосочетание *древние фамилии* удобно в силу его краткости, поскольку под *древними фамилиями* мы понимаем, прежде всего, единицы, которые образовались на базе древних сложных имен индоевропейского типа. По мнению многих исследователей, сложные имена – самый древний тип антропонимов, носителями которых были представители индоевропейской аристократии.

Исторические данные свидетельствуют о тесных контактах балтийских и славянских племен. В силу этого мы обратились к древним фамилиям белорусской территории и рассмотрели их формирование и функционирование на широком славянском и балтийском фоне. В памятниках деловой письменности Витебщины и Могилевщины XV–XVII вв. зафиксированы фамилии, которые восходят к сложным именам индоевропейского типа:

Мартинь а Лаврин Дов-бор-овичи [ПВЛ 2003: 79] < лит. *Daū-baras, Daū-baris*.

Первый компонент *Daū(g)*- связывается с лит. *daūg* 'много'. Компонент *Bar-(t)* исследователи соотносят с корнем, который лежит в основе лит. *barti* 'бранить, ругать', русск. *бороть* [LPŽ 1985: 196].

Gel-gud *Andrzej Kazimierz* [БА 1927: 183] < лит. *Gel-gudas*. Первый компонент *Gel-:gël* связан с лит. *gèlà* 'большая боль', *gèlti* 'очень болеть' [LPŽ 1985: 648]. Второй компонент *Gud-* не имеет однозначного толкования. Согласно самой распространенной точке зрения, этноним *gūdas* – заимствованное племенное название готов (ср. *Gothi, Gothones, Gutones*), которое впоследствии было перенесено на славян, находившихся в низовьях Вислы под властью готов. Как указывает К. Буга, *Gudas* первоначально не являлось настоящим именем славянина, т.к. имя *gudas* мы не можем отделить от названия германского племени *gutaz* (нем. *Gote*, русск. *готь*). В литовском языке закрепилось название *gudas*, а не *gutas*, т.к. литовцы узнали это имя уже тогда, когда сами готы все еще говорили **ghudas*, т.е. до германского передвижения согласных, перед появлением т.н. «Lautverschiebung» [Būga 1961: 782–783]. Несмотря на то, что этноним *gudas* иногда употреблялся и по отношению к литовцам, он относился, прежде всего, к восточнославянскому населению исторической Литвы. С конца XIX в. название *gudai* в литовском языке окончательно закрепляется за белорусами. Корень *Gud-* исследователи связывают с лит. *gūsti* (*gunda, gūdo*) 'привыкать, соединять; сделаться хитрым' [LPŽ 1985: 738].

Кгетолтович *Томко, Кге-товътъ* [ПВЛ 2003: 154] < лит. *Gē-taut-as, Ge-taut-is*.

Компонент *Ge(d)*- связан с лит. *gedėti* 'жалеть; печалиться, грустить, скорбеть'; *gedąuti* 'искать, спрашивать; хотеть, желать' [LPŽ 1985: 639]. Компонент *Taut-* (*au* → *ol*) соотносится с гнездом родственных слов: лит. *tauta* 'народ', лат. *tauto* то же, др.-прусс. *tauto* 'страна', гот. *thiuda* 'народ', др.-в.-н. *diot* (*a*) то же, др.-ирл. *tuath* 'народ', хетт. *tuzzi* 'войско' [Юркенас 1979: 13].

Kim-bar *Gabriel* [БА 1927: 152] < лит. *Kim-baras, Kim-bartas, Kin-baras, Kin-bartas*;

ср. др.-прусс. *Ki-bar*. В результате фонетических изменений *n* → *m* перед губным согласным. Компонент *Kin(t)-/ Kan(t)-* соотносится с гнездом родственных слов: лит. *kēsti* 'терпеть, выносить', *kentėti* 'страдать', *kantus* 'терпимый', *pakantà* 'терпимость' [LPŽ 1985: 913–914]. Компонент *Bar-* см. выше.

Бут-рым, челядин [БА 1928: 50] < лит. *Būt-rimas, But-rimas, But-rīmas, Būt-rimas, Butrimāvičius, Butrimonis*, ср. др.-прусс. *Butrytme* 'дома поддержка'.

Первый компонент *But-* соотносится с лит. *būt-as* 'квартира', др.-прусс. *buttan* 'дом' [Юркенас 2003: 146]. Компонент *Rim-* связан с гнездом родственных слов: лит. *ramūs* 'спокойный, тихий', *romūs* 'кроткий', *rimti* 'успокаиваться', гот. *rimis* 'спокойствие', др.-в.-н. *rama* 'поддержка, опора' [Юркенас 2003: 62].

Дов-гирд-ович *Богдан* [БА 1928: 18] < лит. *Daū-girdas, Daū-girda*. Первый компонент связан с лит. *Daug-* (см. выше). Вторым компонентом соотносится с лит. *girdėti* 'слышать', *girti* 'хвалить' [LPŽ 1985: 674].

Появление в северо-восточной части Беларуси отдельных фамилий, образованных на базе древних сложных имен индоевропейского типа, связано с миграцией крупных родов ВКЛ из западных регионов Беларуси. Так, фамилии *Эйсмонт*, *Почобут*, зафиксированные в XVI в. в Толочинском приходе, свидетельствуют о разделении крупных шляхетских родов, известных с XIV в. на территории Гродненщины.

В апеллятивной лексике, на базе которой возникли фамилии жителей рассматриваемой территории, отражено взаимовлияние различных этнолектов в ВКЛ. Наиболее частотными являются апеллятивы, восходящие к славянским именам. На базе восточнославянских языков образованы фамилии: *Волосянка Андрей Иванович*, *Ворона Юрий*, *Васко Золотков*, *Коробович Богдан*, *Остафий Кривонос*, *Еремеи Коршун*, *Яким Тригубович*.

На базе польского языка были образованы следующие фамилии: *Gołębiowski Mikołaj*, *Dworzanski Janus*, *Żarzenski Stanisław*, *Krzywiec Marcyan*, *Rękawiczny Sidor*, *Szczęsny Isay*, *Важынский Мамей*, *Wąsowicz*.

Выделяется также значительная группа антропонимов, связанных с апеллятивной лексикой литовского и латышского языков. Сгущение онимов балтийского происхождения отмечается в регионе Обольцы, где король Ягайло построил один из семи первых костелов для литовского населения.

Рассмотрим подробнее фамилии данного региона. Исследование антропонимии н.п. Обольцы впервые было проведено польским историком Е. Охманьским на основе записей Метрики ВКЛ, где помещены документы времени правления великого князя Казимира Ягелончика, а также двух инвентарей восточной части Оболецкой волости конца XVI в. Ученый обратил внимание на то, что в середине XV в. в Оболецкой волости многие селяне носили имена балтийского происхождения [Ochmański 1967: 150–154; 1981: 57–65], что явилось основным аргументом в гипотезе исследователя.

Существенное дополнение о составе ономастикона Обольцев внес А. П. Непокупный [Непокупный 1976: 163–164]. Опираясь на второй инвентарь имения Смоляны, а также похозяйственные книги Оболецкого сельсовета (1969), ученый выявил диахронические параллели в антропонимии региона.

Дополняя гипотезу Е. Охманьского, следует отметить фамилии балтийского происхождения в регионе Обольцы, зафиксированные в деловой письменности Витебщины XVI–XVII вв.:

Воболя *Мацька*, *боярин Оболецкий* [БА 1928: 89], ср. лит. *Vābalas* < *vābalas* ‘жук’, лат. *vabole* – то же [LPŽ 1989: 1123].

Звейна *Милька*, *муж Оболецкий* [БА 1928: 92], ср. лат. *zvejnieks* ‘рыбак’, диал. лат. *zvejnes* ‘чешуя’.

Кгел-ейв *Миколай*, *муж Оболецкий* [БА 1928: 89], ср. балтийские антропонимы с компонентом *Gel*:-*gël* (см. выше): *Gel-butas*, *Gel-gad-āitis*, *Gel-gautas*, *Gel-goda*, *Gel-gūda*; др.-прусск. *Gelido*, *Gelow*, *Gelune* [Trautmann 1925: 137].

Гричи(ы)нович Курдей, державца Оболецкий [БА 1928: 276], ср. лит. *Kirdeikà, Kirdeikis, Kirdà* – от лит. *kird-inti* ‘будить’ [LPZ 1985: 998].

Кульшиа Станька, боярин Оболецкий [БА 1928: 89] < лит. *Kulšys* < *kùlšis* ‘бедро’ [LPZ 1985: 1117].

Рек-ут-евич Михайло [БА 1928: 53] < лит. *Rėkus, Rekys, Rekelis* < лит. *rėkti* ‘кричать, орать’ [LPZ 1989: 595].

Рекит-ович Звега, дворянин Оболецкий [БА 1928: 89] < лит. *Rekšcis, Rekštis* < *rėkšti* ‘рвать, срывать’ [LPZ 1989: 595]; *Звега* < лит. *Zvēga* < *žviėgti* ‘смотреть, глядеть’ [LPZ 1985: 1352].

Режеж Иван, муж Оболецкий [БА 1928: 92] < лит. *Rėmeza, Remėzas, Remiza* < *remėzytis* ‘спорить, ссориться, бороться’ [LPZ 1989: 596].

Для верификации гипотезы Е. Охманьского нами были привлечены также метрические книги XVII–XIX вв., к которым до сих пор исследователи не обращались. Известно, что Оршанский повет был расположен на пограничье ВКЛ и Московского государства, в связи с чем в этом регионе локализовалась значительная часть представителей шляхетского сословия. Как показывает анализ, в метриках Толочинской, Оршанской, Сенненской церквей (1700–1790) широко представлены древние фамилии балтийского происхождения:

Ignatij Mat-wid [ОршЦ.: 1700]; *Laurentij et Helena Mont-widow* [Г–ГК: 1709] < лит. *Mont-vidas, Mont-vydas*. Первый компонент *Man(t)*-/*Mont*- связан с гнездом родственных слов: лит. *manyti* ‘думать’, *mantus* ‘сметливый, сообразительный, понятливый, смысленный’, *menas* ‘искусство’, *mintis* ‘мысль’. Второй компонент *Vyd*- связан с гнездом родственных слов: ст.-слав. *viděti, vidь*; лит. *iš-vysti* ‘увидеть’, др.-прусск. *widdai* ‘видел’, гот. *witan* ‘смотреть, наблюдать; знать; др.-в.-н. *wizzan* ‘знать’ и т.д. [Юркенас 2003: 42, 44–45].

Petri Buy-wid [ОршЦ.: 1711] < лит. *Buī-vidas*. Основа *Buī*- связана, вероятно, с гнездом родственных слов: лит. *buitis* ‘быт’, *butas* ‘квартира’, др.-прусск. *buttan* ‘дом’, *būton* ‘быть; лат. *būt* ‘быть’. Компонент *Vyd*- см. выше.

Josephi Eys-mont [ТолочЦ.: 1713] < лит. *Eis-mantas*. Первый компонент *Eīs*- связан с гнездом родственных слов: лит. *eiti* ‘идти’, *joti* ‘ехать (верхом)»; *eid-lus* ‘ходкий’, *eig-a* ‘ходьба»; др.-прусск. *ēisei* ‘идти»; др.-исл. *eisa* ‘бежать вперед»; др.-инд. *uā* ‘идти, ходить, ехать’, *yānas* ‘путь, дорога’ [Юркенас 2003: 73–74]. Компонент *Man(t)* см. выше.

Marcelli Gin-towft [ТолочЦ.: 1785] < лит. *Gin-tautas*. Источником, породившим первый компонент *Gin(t)*-, исследователи считают гнездо родственных слов: лит. *ginti* ‘защищать’, др.-прусск. *guntwei* ‘гнать’, др.-в.-н. *gund* ‘борьба’, др.-инд. *hānti* ‘бьет’, ст.-слав. *gъnati* и др. [Юркенас 2003: 95]. Второй компонент *Taut*- см. выше.

Thomas Dyr-gint [ТолочЦ: 1744] < лит. *Dìr-gint-as*. Первый компонент, вероятно, связан с лит. *dir̃ti* ‘лупить, сдирать; рвать’ [LPZ 1985: 502]. Компонент *Gin(t)*- см. выше.

Josephus Dou-giert [БЦ: 1713] < лит. *Daĩ-girdas, Daĩ-girda*. См. *Довгурдович*.

Symeonis et Brigida Nor-wid [ТолочЦ: 1792] < лит. *Nár-vydas, Nór-vidas, Nór-vydas*. Первый компонент *Nor-* связан с лит. *norėti, nóras* ‘хотеть, желать; желание’ [LPZ 1989: 296–297]. Второй компонент *Vyd-* см. выше.

Зафиксированы также фамилии, образованные от апеллятивной лексики балтийского происхождения:

Michaelis Gedroic [ОЦ: 1706] < лит. *Gedr-áitis < giedrà* ‘ясная, солнечная погода’;

Putra [ТолочЦ: 1750] < лит. *Putrà*, лат. *Putra* < лит. *putrà* ‘похлебка’;

Rymsza [ТолочЦ: 1750] < лит. *Rimša < rimša* ‘тихий, спокойный’;

Georgis Szawło [ОЦ: 1702] < лит. *Šaulys < šaulys* ‘стрелок; воин’;

Petrum Szunko [СЦ: 1781] < лит. *šuo* ‘собака’; *šuneika* ‘озорник’.

В начале XIX в. в метриках фиксируются фамилии на *-as, -is, -us*, что, очевидно, связано с миграцией литовского населения в данный регион:

Андрей Тюнисъ [СтаросЦ: 1852]; ср. лит. *Tiūnėlis, Tijūnėlis, Tunelis* [LPZ 1989: 1051]; *Иосифъ, сынъ Варфоломея и Анны, урожденной Даниловичъ Самолюнасъ* (1852) < лит. *Samaliūnas < Samālius < Самойла < Самуил*;

Матеуш Андрунасъ съ Теофилею Бинкисъ (1890) < лит. *Binkys < Benediktas*.

Рассмотренные фамилии объединяют разные хронологические пласты. Динамика антропонимии балтийского происхождения позволяет утверждать, что регион Обольцы, расположенный в восточной части Беларуси, на протяжении длительного времени был сосредоточением постоянных балто-славянских контактов. Наличие древнейших балто-славянских связей в данном регионе подтверждается и археологическими исследованиями, см. [Гурская, Вайткявичус 2008].

В рассмотренных памятниках зафиксированы также фамилии западноевропейского происхождения, главным образом, немецкого:

Ginter Krzysztoph [БА 1927: 193], ср. лит. *Ginteris*, лат. *Çinteris, Ginters*, нем. *Ginter, Ginther, Günter* [Gottschald 1954: 305];

Horn Nans [БА 1927: 217], ср. нем. *Horn* [Gottschald 1954: 338];

Dygier [БА 1927: 28], ср. нем. *Dicker* [Gottschald 1954: 233]; *Diegger* [Brenchenmacher 1960: 308];

Есман Глеб, боярин Полоцкий [БА 1928: 119], ср. нем. *Eschmann* [Gottschald 1954: 253];

Иван **Шван**, **Шванский** Богдан Иванович [БА 1927: 80, 111]; ср. лит. *Švanỹs*, нем. *Schwan, Schwahn, Swane* [Gottschald 1954: 530];

Шмит Ганус, немец рижский [БА 1928: 230], ср. нем. *Schmidt* [Gottschald 1954: 439].

Спорадически отмечены имена собственные татарского происхождения: **Корсак** з Голубич Ян, **Корсак** Боркула – из тюрк. *gorsaq* ‘степная лисица; вообще лиса, волк’, тат. *карсак* то же [Баскаков 1979: 73]; **Мурза** ‘татарский вельможа’ [ПВЛ 2003: 157]. Фамилии *Якубов Корнило*, *Якубович Войтех* [БА 1928: 235; 237] также могут быть тюркского происхождения, поскольку данные антропонимы образованы от имени одного из 28 пророков, взятых Кораном из библейской традиции, ср. также *Якубов*, *Ягунов* ‘Иаков’ [Унбегаун 1989: 295].

Еврейские антропонимы отмечены зачастую с этнонимическими конкретизаторами: **Арон** еврей; **Еско**, еврей; **Jakub**, жид Могилевский; **Eliasz / Heliasz** *żyd*.

В источниках отражены сложные процессы взаимодействия разных по происхождению онимических систем. Как отмечает Ю. Юркенас, при контактировании языков «формальное сходство отдельных единиц, возникших на базе разных апеллятивов, как правило, влечет за собой процесс конвергенции» [Юркенас 2003: 191].

Отметим фамилии, которые можно рассматривать как результат пересечения онимических основ, например, древнего сложного литовского имени и христианского антропонима, ср.: *Thomas Klauz* [БЦ: 1713], *Иозефы Клявз-овъ*. Основа антропонимов может быть связана с первым компонентом древних сложных литовских имен типа: *Кловз-кгаил*, др.-прусск. *Clawsi-gail*, где первый компонент соотносится с гнездом родственных слов: лит. *klausyti* ‘слушать’, ст.-слав. *slušati, sluti, slava*, др.-в.-н. *hlût* ‘громкий, славный’, др.-ирл. *cloth* ‘слава’. В то же время не исключена связь указанных фамилий с немецким антропонимом *Klaus* < *Nicolaus* [Юркенас 2003: 192]. Ср. фамилии белорусского ареала: *Клявзовіч*, *Кляўз*, *Кляўзін*, *Кляўзо*, *Кляўс*, *Кляўсай*.

Проникновение разных языков и культур отражено также в словообразовании фамилий. Выделяется два типа фамилий с оттопонимическим формантом *-ск(ий)* и его вариантами: древние княжеские фамилии и шляхетские фамилии, которые активно пополняли данную группу в XV–XVII вв.

Согласно М. К. Любавскому, присоединяя русские земли, великие князья литовские замещали своими родичами или наместниками только главные столы областных княжений, оставляя удельных князей на их вотчинах [Любавский 2004: 66]. Так, в Полоцкой земле правили князья *Лукомские*, в Витебской – князья *Друцкие*, в Смоленской земле княжили Рюриковичи: *Вяземские*, *Одоевские*, *Боратынские*, *Масальские*, *Соломерецкие* и др. Древний род князей Друцких восходит, по мнению Н. Карамзина, к полоцкой ветви князей Изяславичей, о чем свидетельствует локализация имений, названия которых послужили основой для образования двойных фамилий рассматриваемого ареала в северной части

Могилевской губернии: *Друцкие-Толочинские, Друцкие-Любецкие, Друцкие-Соколинские, Друцкие-Горские, Друцкие-Озерецкие*.

Второй пласт фамилий на *-ский* фиксируется среди польской шляхты, о чем свидетельствуют и католические имена и конкретизаторы при фамилиях: *Янъ Човский, Ях, Стас Роевский, Dworzanski Janus, Żarzenski Stanisław*.

Как показывает проанализированный материал, патронимический формант *-ович/-евич* фиксируется в памятниках письменности на всей территории ВКЛ, участвуя в образовании фамилий славянского, балтийского, татарского, еврейского происхождения: *Евневич* < лит. *Jaiūnis* < *jáunas* 'молодой'; *Васко Солтановичъ* < *Салтан* < араб. *sultān*; *Шлом-ич Яцка* < Шлома: Соломон; *Зусман-ович Лейба*, ср. антр. идш. *Зусман*; *Мошк-ович Песах*, ср. *Мовшович, Мошес, Москович* < *Mosé*: Моисей; ср. [Abramowicz 2000: 12]. Однако данный формант преобладал в фамилиях, образованных от славянских апеллятивов, а также в сочетании с именами православного вероисповедания.

Отдельную группу составляют антропонимы с формантами балтийского происхождения *-eika, -elis, -enis, -ulis*: *Моз-еуко, Нар-еуко, Szur-ienia, Кзер-ул-ис, Мат-юль, Петр-ель*. Балтийские форманты отмечаются и в сочетании со славянскими апеллятивами: *Олекъсей Остр-еик-овичъ, Артемъ Тольст-еико-вичъ* [ПВЛ 2003: 158]. Фиксируется также наложение балтийских и славянских формантов: *Купр-ейк-ович, Мож-ул-ев*.

В памятниках засвидетельствованы примеры сближения суффиксальных рядов. Так, балтийский суффикс *-ойць* < *-aitis* под влиянием славянской словообразовательной модели на *-ец* трансформируется в формант *-оец*: *Гедройц, Гедроец*.

Среди словообразовательных формантов особое место занимает суффикс *-ук/-чук*, который исследователи, например, В. Линдерт, связывают с турецко-татарским происхождением, а белорусский и украинский языки рассматриваются как посредники его проникновения в польский [Линдерт 1972: 85]. В то же время В. В. Мартынов выводит его из литовского деминутивно-гипокористического форманта *-ukas*. В исследованном материале с данным суффиксом отмечен единичный антропоним: *Севр-ук*, который, вероятно, восходит к литовским антропонимам: *Siaur-ukas, Siaur-ukis, Siaur-is, Siaur-ys* [LPŽ 1989: 707]. Корень *Siaur-* ученые связывают с лит. *siauras* 'неширокий', 'который занимает мало места; тесный, узкий' [LPŽ 1989: 707].

Как показывает исследованный материал, в восточной части Беларуси, как и на всей территории ВКЛ, широко отражены древние фамилии, связанные с историей определенной территории. Характерной чертой антропонимии исследованного региона является пересечение, наложение онимических рядов, что было обусловлено сложным процессом развития антропонимии, контактированием, взаимовлиянием разных языков и культур, существовавших в таком многонациональном и полиэтничном государстве, каким было Великое княжество Литовское.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- БА 1927 – Беларускі архіў. Т. I (XVI–XVII ст.), Менск.
БА 1928 – Беларускі архіў. Т. II (XV–XVI ст.), Менск.
ПВЛ. – Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528. Кн. 523, 2003, Мінск.

СЛОВАРИ

- LPŽ – *Lietuvių pavardžių žodynas*, 1985–1989, A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmuškaite, Vilnius.
Brechenmacher J. K., 1957, *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Familiennamen: in 2 Bd.*, Limburg.
Gottschald M., 1982, *Deutsche Namenkunde*, Berlin–New York.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный исторический архив Беларуси:

- БЦ 1695–1798, Метрические книги и выписи из них костелов Витебской и Могилевской губерний Биржанского, Быковского, Быховского, Бельничского, Ворклянского, Выщковского, Велионского о родившихся, вступивших в брак и умерших, фонд 1781, оп. 26, ед. хр. 1226.
ГГК 1709–1798, Метрическая книга Горыгорецкого Костела Горыгорецкого уезда Могилевской губ. о родившихся, фонд 827, оп. 38, ед. хр. 1265.
ОршЦ 1700–1875, Метрические экстракты о родившихся Костелов Оршанского Деканата, фонд 1781, оп. 26, ед. хр. 1196.
СЦ 1697–1798, Сенненская Церковь о бракосоч, фонд 1781, оп. 26, ед. хр. 1231.
ТолочЦ 1701–1798, Метрические книги Толочинской Церкви о родившихся, фонд 1781, оп. 26, ед. хр. 1231.
СтаросЦ. 1849–1852, Метрическая книга Старосельской Р-К Приходской Церкви, фонд 2397, оп. 1, ед. хр. 1–3.

ЛИТЕРАТУРА

- Abramowicz Z., 2000, *Nazwy osobowe Białostoczczyzny XV–XVII w. jako odbicie kontaktów językowych i kulturowych w Wielkim Księstwie Litewskim*, *Studia Russica*, t. 18, Budapest, s. 6–12.
Bednarczyk L., 2010, *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Kraków.

- Būga K., 1958–1962, *Rinktiniai raštai*, t. 1–3, Vilnius.
- Kowalik-Kaleta Z., 2007, *Historia nazwisk polskich na tle społecznym i obyczajowym (XII–XV wiek)*, t. 1, Warszawa.
- Lindert B., 1972, *Formanty -(i)uk, -czuk w językach wschodniosłowiańskich*, Z Polskich Studiów Slawistycznych, seria 4, Językoznawstwo, Warszawa.
- Maciejauskienė V., 1991, *Lietuvių pavardžių susidarymas XIII–XVIII a.*, Vilnius.
- Ochmański J., 1967, *Ludność litewska we włości Obolce na Białorusi wschodniej w XIV–XVI wieku*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 5, s. 147–157.
- Ochmański J., 1981, *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*, seria Historia 96, Poznań.
- Trautmann R., 1925, *Die altpreußischen Personennamen*, Göttingen.
- Баскаков Н. А., 1969, *Русские фамилии тюркского происхождения*, Ономастика, Москва.
- Вайнрайх У., 1999, *Одноязычие и многоязычие*, Зарубежная лингвистика, III, Москва.
- Гурская Ю., Вайткявичюс В., 2008, *Балтийское наследие в восточной части Беларуси: новые исторические и лингвистические данные об Обольцах*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 32, s. 9–30.
- Любавский М. К., 2004, *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, Санкт-Петербург.
- Мартынов В. В., 1973, *Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен*, Минск.
- Непокупный А. П., 1976, *Балто-севернославянские языковые связи*, Киев.
- Унбегаун Б. О., 1989, *Русские фамилии*, Москва.
- Юркенас Ю., 1979, *Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем. Автореферат на соискание ученой степени доктора филол. наук*, Москва.
- Юркенас Ю., 2003, *Основы балтийской и славянской антропонимики*, Вильнюс.

MULTILINGUALISM IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS REFLECTED IN OLD ANTROPONYMS

ABSTRACT

This article analyses historical antroponyms in the Vitebsk and Mogilyov areas of Belarus. The dialects of this area are categorised as transitional within the Balto-Slavic, West-East Slavic and Russian-Belorussian dialect continua. The materials used for the study are business texts from the 15–17th centuries as well as birth registers of the 17th and 18th centuries.

The analysis has shown that in the eastern part of Belarus, the surnames of ancient knightly clans of the Grand Duchy of Lithuania are related to the history of a given territory. The antroponyms reflect the phonetic, lexical, word-formation processes that have taken place in the languages of the Grand Duchy of Lithuania. What is characteristic, the antroponyms in the analysed region often mix and impose ranks. This has been caused by the difficulties in the development of antroponyms, as well as the interference of different languages and the cultural specifics of the Grand Duchy of Lithuania.

Słowa kluczowe: onomastyka, nazwy własne, antroponomia, dawne nazwiska, kontakty językowe i kulturowe, związki bałto-słowiańskie.

Keywords: onomastics, proper name, antroponymy, ancient surnames, language contact, culture clash, Balto-Slavic relations.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, антропонимия, древние фамилии, языковые и культурные контакты, балто-славянские связи.